

Аллан Кардек

**Книга Духов. Основы
спиритического учения**

«Автор»

Кардек А.

Книга Духов. Основы спиритического учения / А. Кардек —
«Автор»,

«Книга Духов» так же мало нуждается в рекомендациях, как «Библия» или «Бхагават-гита», как «Веды» или «Упанишады». Она посвящена самой загадочной и важной проблеме, волнующей человечество на протяжении всей его истории: есть ли жизнь после смерти? И если да, то какова она и что тогда такое смерть? Для чего вообще мы здесь? Ответ на эти и подобные вопросы можно отыскать в «Книге Духов».

© Кардек А.

© Автор

Содержание

Введение	5
I	5
II	6
III	8
IV	11
V	13
VI	15
VII	18
VIII	21
IX	22
X	24
XI	25
XII	26
XIII	28
XIV	29
XV	30
XVI	32
XVII	35
Предисловие	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Аллан Кардек

Книга Духов. Основы спиритического учения

Введение

I

Для новых явлений нужны и слова новые; этого требует ясность языка; это необходимо для того, чтобы избежать всяких недоразумений, неразлучных с различными значениями одних и тех же терминов.

Слова *спиритуальный, спиритуалист, спиритуализм* имеют значение весьма определенное; объяснять их снова для применения к учению «духов» было бы бесполезно.

В самом деле, спиритуализм есть учение, противоположное материализму. Всякий, кто верит, что в нем, кроме материи, есть еще что-то, тот – спиритуалист. Но из этого еще не следует, что он верит в существование духов или в сообщения их с видимым миром.

Вместо слов *спиритуалист, спиритуализм* мы употребляем, для определения этого последнего верования, слова *спирит* и *спиритизм*, которые сами по себе высказывают свое происхождение и настоящий смысл, оставляя слову *спиритуализм* его собственное значение.

Итак, спиритизм имеет своим основанием сношения материального мира с духами или существами невидимого мира. Последователи спиритизма будут спириты или спиритисты.

Как частность, «Книга духов» содержит в себе учение спиритизма, в общем же значении она охватывает собой спиритуализм, как разновидность его. Вот почему в ее заглавии находятся слова: *Философия спиритуализма*.

II

Существует еще слово, в значении которого необходимо условиться, ибо выражаемое им понятие является ключом всех моральных учений и предметом многочисленных споров за неимением для него вполне определенного смысла; слово это – «душа».

Различие мнений о природе души происходит от различного смысла, который каждый придает этому слову.

Язык совершенный, в котором каждое понятие имеет свой особенный термин, устранил бы много споров, и люди легко понимали бы друг друга.

По мнению одних, душа есть начало материальной, органической жизни; она не имеет собственного существования и прекращается вместе с жизнью тела; это *чистый материализм*.

В этом смысле и говорят образно о разбитом, не издающем звуков инструменте, так как в нем нет души. С этой точки зрения душа есть следствие, а не причина.

Другие думают, что душа есть начало разума, всеобщий деятель, часть которого воспринимается каждым существом. По их мнению, у всей вселенной есть только одна душа, наделяющая своими частицами все разумные существа во время их земной жизни.

После же смерти каждая эта частица возвращается к общему источнику, с которым она и сливается, как ручьи и реки сливаются с морем, откуда вышли.

Это воззрение отличается от предыдущего тем, что признает в нас что-то еще, кроме материи, и допускает, что после смерти это «что-то» остается, но это сводится почти ни к чему, ибо, потеряв индивидуальность, мы утратили бы и самосознание. По этому мнению, *всеобщая душа* есть Бог, а каждое существо – часть божества; это толкование есть один из видов *пантеизма*.

Третьи, наконец, полагают, что душа есть существо моральное, отличное и независимое от материи, сохраняющее свою индивидуальность и после смерти. Это понятие о душе самое распространенное потому, что под тем или другим названием идея о существе, переживающем тело, помимо всех учений, составляет инстинктивное верование всех народов, какова бы ни была степень их цивилизации.

По этому воззрению душа есть причина, а не следствие, и это воззрение лежит в основе учения спиритуалистов.

Не входя в обсуждение справедливости этих мнений и смотря на них лишь с точки зрения лингвистической, следует признать, что в них содержится три понятия, для каждого из которых необходим особый определенный термин. Таким образом, слову «душа» присущи три значения, и каждое со своей точки зрения определяет его совершенно верно; вся беда лишь в бедности языка, у которого имеется одно только слово для обозначения трех понятий.

Во избежание всякого недоразумения следовало бы слову «душа» присвоить одно из этих трех значений; выбор того или другого безразличен; важно лишь условиться, какое именно.

Нам кажется более логичным употреблять это слово в его наиболее распространенном смысле; поэтому мы называем душою нематериальное и индивидуальное существо, пребывающее в нас и переживающее наше тело. И во всяком случае, если бы это существо являлось только в нашем воображении, то необходим был бы термин для его обозначения.

За отсутствием особого термина для каждого из других понятий мы назовем *жизненным началом* начала жизни материальной и органической, каков бы ни был его источник, присущий всем живым существам – от растений до человека включительно.

В смысле жизни реальной, отдельно взятой от мыслительной способности, жизненное начало – понятие ясное и независимое. Слово «жизненность» не выражает, как следует, это понятие. Одни считают жизненное начало свойством материи, результатом нахождения ее в определенных данных условиях; по мнению других (и это наиболее общее понятие), оно заклю-

чается в находящемся повсюду особенном токе, часть которого каждое существо поглощает и усваивает себе на время своей жизни, подобно тому, как некоторые органические тела поглощают свет; в таком смысле – это жизненный ток, который, по мнению иных, есть не что иное, как электрический оживотворенный флюид, обозначаемый также названиями «магнетический ток, нервный ток» и т. д.

Как бы то ни было, но неоспорим тот, подтвержденный наблюдениями, факт, что органические существа заключают в себе скрытую силу, жизнеспособность, действующую, пока существует явление жизни; что жизнь материальная присуща всем органическим существам, независимо от разума и мысли: что разум и мысль – способности, свойственные только некоторым органическим существам, наконец, что между органическими существами одаренными разумом и мыслью, есть одно, наделенное особенным нравственным чувством, дающим ей неоспоримое превосходство над другими, это – человек.

Очевидно, что понятие о душе при многообразном своем толковании не нарушает принципов ни материализма, ни пантеизма. Сами спиритуалисты могут принять то или другое определение слова *душа*, не нарушая притом понятия о нематериальном существе, которому они дают в таком случае любое название.

Итак, слово это не может быть результатом какого-либо известного мнения, каждый понимает его по-своему, вследствие чего оно и является источником бесконечных споров.

Можно было бы избежать недоразумения, употребляя слово «душа» и для обозначения всех трех понятий, прибавляя лишь к каждому определение, показывающее значение, придаваемое слову. Тогда это будет понятие родовое, обозначающее одновременно начало как жизни материальной, так разума и нравственного чувства, подобно тому, как например, различают понятие «газ», прибавляя к нему слова: «кислород», «водород» или «азот». Тогда можно было бы сказать, – и это, может быть, было бы лучше и проще всего: *жизненная душа* – о начале жизни материальной, *разумная умственная душа* – для обозначения разума и *духовная душа* – для обозначения нашей индивидуальности после смерти.

Таким образом, очевидно, весь вопрос здесь в словах, но вопрос этот слишком важен, чтобы о нем не условиться.

Из всего этого следует, *жизненная душа* свойственна всем органическим существам: растениям, животным и человеку; *умственная душа* – только животным и человеку; а *духовная душа* – только одному человеку.

Мы сочли себя обязанным остановиться на этих предварительных разъяснениях особенно потому, что спиритическое учение основано именно на присутствии в нас существа, независимого от материи и переживающего тело.

Слово «душа» часто будет употребляться в этом труде, а потому, во избежание каких-либо недоразумений, и было необходимо точное определение значения, которое мы придаем этому выражению. Обратимся теперь к главному предмету этих предварительных разъяснений.

III

Учение спиритизма, как и все новое, имеет своих сторонников и своих противников.

Попробуем отвечать на некоторые возражения последних, разбирая достоинство причин, на которых они основываются, хотя не имеем вовсе претензии убедить всех без исключения, потому что есть люди, которые думают, что свет истины существует только для них одних.

Мы обращаемся к людям честным, добросовестным, чуждым всяких предубеждений, искренне желающим познать истину, и покажем им, что большая часть возражений, противопоставляемых учению о духах, происходит от неполного рассмотрения фактов и от слишком легкомысленного и поверхностного суждения об этом предмете. Припомним сперва постепенный ряд явлений, послуживших основанием этого учения.

Первым замеченным явлением было движение различных предметов; его называли обыкновенно *явлением вертящихся столов* или *пляской столов*.

Это явление, прежде всего, проявилось в Америке или, лучше сказать, возобновилось в этой стране, потому что история доказывает, что оно восходит до глубокой древности; оно сопровождается было странными обстоятельствами, как то: необыкновенными шумами, стуком, раздававшимся без всякой видимой причины, и пр.

Оттуда оно быстро перешло в Европу и другие части света; сперва оно возбуждало много недоверия, но многочисленные опыты вскоре уничтожили сомнения в действительности явлений.

Если бы явления эти ограничивались движением предметов, они могли бы быть объяснены причинами чисто физическими. Мы далеки еще от того, чтобы знать все скрытые силы природы и даже все свойства известных нам сил; уже одно электричество каждый день открывает нам свои новые свойства и дает человеку возможность делать из него новые применения и освещает науку новым светом.

Итак, легко могло быть, что электричество, измененное различными обстоятельствами, или какой-нибудь другой деятель были причиной этих движений. С увеличением числа участвующих лиц увеличивалась и сила действия. Это обстоятельство, по-видимому, поддерживало эту теорию, потому что собрание лиц, делавших опыты, можно было рассматривать как сложный гальванический столб, сила которого пропорциональна числу составных элементов.

Кругообразное движение тоже не представляло ничего необыкновенного, оно замечается во всей природе; все светила движутся кругообразно; это могло быть в малом виде отражением всеобщего движения вселенной, или, лучше сказать, причина, неизвестная до сих пор, могла произвести движение малых предметов, подобное тому, какое мы видим во всех мирах вселенной.

Но движение это не всегда было кругообразно; часто оно бывало неправильно, сопровождалось толчками, предмет бывал опрокидываем, увлекаем по какому-нибудь направлению и даже совершенно противно законам статики. Иногда поднимался вверх и без всякой точки опоры держался в пространстве.

Во всем этом нет еще ничего такого, что не могло бы быть объяснено силою какого-нибудь невидимого физического деятеля.

Не видим ли мы, что электричество разрушает здания, опрокидывает деревья, бросает далеко самые тяжелые тела, притягивает и отталкивает их?

Предположим, что эти необыкновенные шумы, стук ударов – не что иное, как следствие простого, быстрого расширения дерева или других каких случайных обстоятельств, и они легко могут быть производимы скоплением невидимого тока; разве электричество не производит самых сильных звуков?

До сих пор, как каждый заметит, все может быть причислено к явлениям чисто физическим или физиологическим. Не отступая даже от этого взгляда на вещи, не представляют ли явления эти предмета, достойного изучения и внимания ученых? Почему же этого не случилось? Грустно согласиться, но это указывает, как и множество других случаев, на легкомысленность человеческого ума.

Общепотребительность предмета, бывшего основанием, первым опытом, кажется, может считаться в числе первых причин равнодушия ученых.

Притом же, название явления имело часто влияние на самые важные вещи. Не обратив внимания на то, что движение может быть сообщено какому бы то ни было предмету, идея о вертящихся столах сделалась преобладающей идеей в этих явлениях, потому что стол в этом случае есть предмет самый удобный и что естественнее сесть вокруг стола, чем вокруг какой-нибудь другой мебели.

Люди образованные и богатые часто бывают так мелочны, что неудивительно, если некоторые из них сочли ниже своего достоинства заниматься тем, что называют *пляской столов*.

Весьма вероятно, что если бы явление, замеченное г-ном Гальвани, было замечено людьми обыкновенными и названо каким-нибудь смешным названием, то оно было бы поставлено наряду с волшебным жезлом. В самом деле, кто из ученых унизился бы до того, чтобы заняться *пляской лягушек*?

Впрочем, некоторые из них, более скромные, допуская, что природа могла не все еще открыть им, решились обратить внимание на новые явления для успокоения своей совести; но случалось, что явления не всегда соответствовали их ожиданиям и не совершались постоянно по их воле, тогда они, прекратив систему исследования, стали отрицать их вовсе; однако, несмотря на приговор ученых, столы продолжали и продолжают вертеться, и мы можем сказать, подобно Галилею: «*А все-таки они движутся*».

Мы скажем больше: явления эти так часто повторяются, что они не подлежат уже сомнению, и остается только отыскать правильное объяснение их. Можно ли отвергать действительность явления на том основании, что оно бывает не всегда согласно с волей и требованиями наблюдателя?

Разве все электрические и химические явления не подчинены определенным условиям? Однако это не дает оснований отрицать их только лишь потому, что они не производятся вне этих условий.

Удивительно ли после этого, что явление движения предметов посредством человеческого тока требует также определенных условий, и что оно прекращается или не производится вовсе, когда наблюдатель, смотря на него со своей точки зрения, хочет подчинить его своему капризу или законам известных нам явлений, не обращая внимания на то, что для новых явлений могут и даже должны быть новые законы. Но чтобы узнать эти законы, нужно изучать все обстоятельства, при которых производятся явления, и изучение это должно быть плодом внимательных, точных и часто весьма продолжительных наблюдений.

Но, возражают некоторые, в этом случае часто бывает очевидный обман.

Мы спросим их сперва, совершенно ли уверены они, что это обман, и не считают ли обманом явления, которые не могут объяснить себе, подобно одному крестьянину, который принял ученого профессора физики, производящего опыты, за ловкого фокусника?

Предположив даже, что и это может случиться, следует ли из этого, что нужно отвергнуть все факты? Можно ли не признавать физики потому, что есть фокусники, которые называют себя физиками? Необходимо обращать внимание на характер лиц и на ту выгоду, которая может побуждать их к этому обману.

Может быть, скажут иные, это шутка? Но ведь забавляться можно некоторое время, но продолжать забавную шутку постоянно будет скучно и для обманываемого и для того, кого обманывают. Впрочем, если обман распространяется от одного конца света до другого и при-

том между людьми самыми серьезными, самыми добросовестными, самыми просвещенными, то распространение это будет так же необыкновенно, как и самые явления.

IV

Если бы явления, занимающие нас, ограничивались движением предметов, то они остались бы, как уже было сказано, в области чисто физической; но случилось не то: им суждено было указать нам новый порядок вещей.

Замечено было, что движение предмета не было результатом слепой механической силы; наоборот, в этом движении обнаруживалось вмешательство разумной силы. Так что это открытие представило широкое и совершенно новое поле для наблюдений; завеса, за которой скрывалось много таинственного, была сдернута.

Действительно ли проявляется в этих явлениях разумная сила? Вот каким был первый вопрос.

Если эта сила действительно существует, то что она такое?

Каковы ее свойства, ее происхождение?

Стоит ли она выше человечества и вне его?

Это уже новые вопросы, возникающие из первого.

Первые разумные появления выражались ударами, производимыми по ножке поднимающегося стола и определенным числом ударов отвечающими на поставленные вопросы.

До этого времени для скептиков не было ничего убедительного, так как явления эти можно было приписать случаю. Но затем стали получать более пространные ответы с помощью букв алфавита:двигающийся предмет производил число ударов, соответствовавшее месту, занимаемому в алфавите каждой буквой по порядку, и таким образом получали слова в фразы, отвечавшие на предложенный вопрос.

Точность ответов, их соответствие вопросам вызывали изумление и удивление среди наблюдателей.

Таинственное существо, отвечавшее таким образом, на вопрос о его природе, объявило, что оно дух или гений, назвало себя по имени и сообщило различные о себе сведения.

На это обстоятельство следует обратить особенное внимание.

Никто никогда не выдумывал *духов* как способ для объяснения явления. Само явление указало это имя.

В точных науках часто составляются гипотезы, чтобы иметь основание для рассуждений; здесь же вовсе этого не было. Такой способ сообщения был долог и неудобен, в дух (это опять обстоятельство, достойное серьезного внимания) указал другой способ.

Одно из этих невидимых существ посоветовало приделать карандаш к коробочке или какому-нибудь другому предмету. Коробочка эта, поставленная на лист бумаги, приводится в движение той же таинственной силой, которая приводила в движение и столы; но, вместо простого движения, здесь карандаш сам собою начинал чертить буквы, образующие слова, фразы и целые страницы рассуждений о самых высоких вопросах философии, нравственности, метафизики, психологии и т. д., и все это с такой быстротой, как бы это писалось рукой.

Совет этот дан был одновременно в Америке, во Франции и в различных других странах.

Вот выражения, в каких он дан был в Париже 10 июня 1853 года одному из самых ревностных приверженцев нового учения, уже в течение нескольких лет, с 1849 года, занимавшемуся общением с духами:

«Пойди и возьми в соседней комнате маленькую коробочку, прикрепи к ней карандаш, поставь ее на бумагу и положи пальцы на ее край». Несколько минут спустя коробочка пришла в движение, и карандаш весьма четко написал следующую фразу: «О том, что я вам сказал, я строго запрещаю говорить кому бы то ни было; в первый раз, что буду писать, я напишу лучше».

Так как предмет, к которому приделывают карандаш, есть лишь орудие, то свойство его и формы совершенно безразличны; важно лишь придать ему наиболее удобное положение; вот почему многие употребляют вместо коробочки маленькую дощечку. Коробочка или дощечка могут прийти в движение лишь под влиянием известных лиц, одаренных особенной к тому способностью и называемых *медиумами*, т. е. средой или посредниками между духами и людьми. Условия, дающие эту способность, происходят от физических и нравственных, еще малоисследованных причин, так как встречаются медиумы всех возрастов, обоих полов и на всех ступенях умственного развития.

Впрочем, эта способность развивается посредством упражнения.

V

Впоследствии было установлено, что коробочка и дощечка составляли в сущности не что иное, как дополнение к руке, и поэтому медиум, взяв карандаш прямо в руку, начал писать, чувствуя невольное и почти судорожное движение руки. Благодаря этому способу, сообщения стали совершаться быстрее, легче и полнее, и в настоящее время этот способ самый употребительный, тем более, что число лиц, одаренных этой способностью, весьма значительно и увеличивается с каждым днем.

Наблюдения показали впоследствии несколько других разновидностей способности медиумов; таким образом было установлено, что можно иметь сообщения с духами посредством слов, слуха, зрения, осязания и пр. и даже посредством писания самими духами без помощи руки медиума и без карандаша.

После этих фактов осталось решить только: какую роль играет медиум в получаемых ответах и какое участие, механическое и моральное, может он принимать в них.

Два главных обстоятельства, которые не могут ускользнуть от внимательного наблюдателя, решают вопрос. Во-первых, движение коробочки под влиянием медиума следует тотчас же после прикосновения пальцев его к краю коробочки; наблюдение над этим опытом обнаруживает невозможность давать направление движению, эта невозможность делается еще очевиднее тогда, когда две или три osoby кладут пальцы свои на одну и ту же коробочку.

Чтобы они могли двигать ее сами, нужно допустить какое-то непостижимое согласие движения и полнейшее однообразие в мыслях, иначе они не могут написать один ответ на предложенный вопрос.

Еще одно не менее важное обстоятельство увеличивает затруднение в подделке явления – это изменение почерка при появлении каждого духа; каждый раз, когда один и тот же дух возвращается для беседы, карандаш пишет тем же почерком.

Следовательно, для предположения, что медиум может писать сам, необходимо допустить, что он должен прежде научиться изменять почерк свой различным образом и помнить, каким почерком пишет каждый дух.

Второе обстоятельство – это свойство самих ответов, которые, большей частью, в особенности на вопросы отвлеченные или ученые, не только выходят из круга познаний медиума, но превышают даже его умственные способности, причем нередко медиум сам не сознает того, что пишется под его влиянием; часто медиум не слышит или не понимает предлагаемого вопроса, потому что вопрос может быть сказан на языке, непонятном ему, или даже предложен мысленно, и ответ может быть получен на том же языке.

Иногда случается, что коробочка пишет внезапно, без всякого вопроса, и о предмете, совершенно неожиданном.

Эти ответы в известных случаях обнаруживают столько мудрости, глубокомыслия и находчивости, высказывают такие высокие, такие дивные мысли, что происхождение их можно приписать только высшему разуму, обладающему чистейшей нравственностью, в других же случаях они так пусты, так легкомысленны, так грубы, что рассудок отказывается допустить, что они проистекают из одного и того же источника.

Это различие получаемых откровений не может быть объяснено иначе, как проявлением различных разумных существ.

Существа эти относятся ли к человечеству или находятся вне его?

Этот вопрос должен быть разъяснен, и в этой книге можно будет найти полное и точное объяснение его в том виде, как оно дано было самими духами.

Вот явления, которые происходят вне круга наших обыкновенных наблюдений; которые совершаются не тайно, а на глазах всех; которые каждый может видеть и подтвердить; которые не составляют преимущества одного лица, а повторяются ежедневно тысячами различных лиц.

Эти явления должны иметь свою причину, и как только они обнаруживают наличность разума и воли, они выходят уже из области чисто физического мира.

Относительно этого предмета было составлено несколько теорий. Мы их сейчас разберем и увидим: могут ли они объяснить все явления этого рода. А пока допустим реальность существ, совершенно отличных от человечества, потому что именно это объяснение и было дано нам самими проявившимися разумными существами, и посмотрим, что говорят они.

VI

Существа, общающиеся с нами таким образом, сами называют себя, как мы сказали уже, духами, или гениями, и утверждают, что они, по крайней мере некоторые из них, были душами людей, живших на земле. Они составляют духовный мир, как мы во время нашей жизни составляем мир телесный.

Мы изложим здесь вкратце самые главные черты учения, сообщенного нам духами, чтобы легче было отвечать на некоторые возражения.

Бог вечен, неизменяем, невеществен, един, всемогущ, верховно-правосуден и благ.

Он сотворил вселенную, заключающую в себе все существа, одушевленные и неодушевленные, материальные и нематериальные.

Существа материальные составляют мир видимый, или телесный, а существа нематериальные – мир невидимый и духовный, т. е. духов. Мир духовный есть мир главный, первобытный, вечный, существующий прежде всего видимого и переживающий все.

Мир телесный есть мир второстепенный; он может перестать существовать и мог бы даже не существовать вовсе, не изменив сущности духовного мира.

Духи облакаются на время в материальную, тленную оболочку, разрушение которой посредством смерти возвращает им свободу.

Из всех различных видов телесных существ Бог избрал человеческий род для воплощения духов, достигших определенной степени развития, что и дает человеку моральное и умственное превосходство перед всеми другими существами.

Душа есть воплощенный дух, коего тело есть временная оболочка».

Человек состоит из трех различных начал: 1-е – тело, или материальное существо, сходное со всеми животными и оживленное одинаковым с ним жизненным началом; 2-е – душа, существо бессмертное, дух, воплощенный в теле; 3-е – полуматериальная оболочка духа, соединяющая душу с телом, нечто среднее между материей и духом.

Поэтому человек есть существо двоякой природы: телом своим он относится к животным, с коими имеет общие инстинкты; душой же он относится к духам.

Оболочка духа и духовное тело, так называемое периспирит, соединяющая материальное тело с духом, есть нечто полуматериальное. Смерть есть разрушение грубого тела, этой видимой материальной оболочки; вторую же оболочку он сохраняет и после смерти; она составляет для него некоторого рода эфирное тело, невидимое для нас в нормальном состоянии, но которое он может сделать на время видимым и даже осязаемым, как это бывает при различных появлениях духов.

Итак, дух не есть существо отвлеченное, неопределенное, которое может быть понято только мыслью; это существо – действительное, определенное, коего присутствие, в определенных случаях, может быть ощутительно для *зрения, слуха и осязания*.

Духи относятся к различным классам и неравны между собой ни могуществом, ни разумом, ни познаниями, ни нравственными качествами.

К первому разряду относятся духи высшие, отличающиеся от других своим совершенством, своими познаниями, своим приближением к Богу, чистотой своих чувств и своей любовью к добру: это – ангелы или чистые духи. Остальные классы все более и более удаляются от этого совершенства. Духи, относящиеся к низшим классам, обнаруживают большую часть наших страстей, ненависть, зависть, гордость и пр. Они находят удовольствие в делании зла. Между нами есть также не добрые, не злые, скорее вздорные, чем злонамеренные; хитрость и непоследовательность составляют, кажется, их принадлежность; это так называемые суетные, или легкие духи.

Духи не вечно относятся к одному и тому же разряду. Все они улучшаются, проходя различные степени иерархии духов. Это улучшение совершается во время воплощений, которые для одних суть искупления и испытания, для других – миссии.

Телесная жизнь есть испытание, которое должно повторяться несколько раз, до тех пор, пока дух не достигнет полного совершенства; это некоторого рода чистилище, из которого дух каждый раз выходит более или менее очищенным.

Оставляя тело, душа возвращается в мир духов, откуда она вышла, чтобы снова воплотиться по прошествии более или менее долгого времени, в продолжение которого она остается в состоянии блуждающего духа.¹

Так как дух должен пройти множество воплощений, то из этого следует, что все мы имеем несколько телесных существований и что будем иметь еще несколько, более или менее совершенных, или на этой же земле, или в других мирах.

Воплощение духов совершается не иначе, как в человеческом роде: было бы большим заблуждением думать, что душа человека, или дух, может воплотиться в теле животного.

Воплощаясь несколько раз, дух постепенно совершенствуется, но не возвращается назад относительно прогресса ни в каком случае; скорость же улучшения зависит от усилий, делаемых нами для достижения совершенства.

Душевные качества наши суть качества духа, воплощенного в нас; так, добрый человек есть воплощение доброго духа, а злой – воплощение низшего духа. Душа существовала индивидуально прежде своего воплощения; индивидуальность эта сохраняется и после разлучения ее с телом.

По возвращении своем в мир духов душа находит всех, кого знала на земле, и все предшествовавшие телесные существования представляются в ее памяти воспоминанием всего добра и всего зла, сделанного ею.

Воплощенный дух находится под влиянием материи. Человек, побеждающий это влияние возвышенностью, чистотой своей души, приближается к добрым духам, в обществе которых он будет находиться некогда. Тот же, кто поддается влиянию порочных склонностей, предоставляя господствовать животной натуре, приближается к нечистым духам.

Воплощенные духи живут в различных мирах Вселенной.

Духи невоплощенные или блуждающие не занимают определенного и ограниченного места во Вселенной; они бывают везде в пространстве и окружают нас, видят нас беспрестанно и постоянно соприкасаются с нами; это целое невидимое народонаселение, движущееся вокруг нас.

Духи оказывают непрерывное влияние не только на моральный мир, но даже и на мир физический; они действуют на материю и на мысль, и составляют одну из сил природы, причину множества явлений, до сих пор дурно объяснимых или не объяснимых вовсе, которые находят рациональное истолкование только в одном спиритизме.

Сношения духов с людьми постоянны. Добрые духи побуждают нас к добру, поддерживают в испытаниях жизни и помогают переносить их с мужеством и покорностью; злые же духи внушают нам все дурное; для них наслаждение видеть наши падения, видеть, что мы уподобляемся им.

Сношения духов с людьми бывают тайные и явные.

Тайные сношения совершаются посредством дурного или хорошего влияния их на нас без нашего ведома, мы сами должны уже отличать добрые внушения от дурных. Явные же сообщения совершаются посредством писания, языка или других материальных проявлений, большей частью при посредстве медиумов, которые служат им орудиями.

¹ Между этим учением о последовательном воплощении и учением о переселении душ, допускаемом некоторыми религиями, есть существенное различие, объясняемое ниже в этом же труде.

Духи проявляются самопроизвольно или при вызывании. Можно вызывать всех духов без исключения, тех, которые одушевляли людей неизвестных, равно как и самых знаменитых, и притом в какое бы время ни жили они, души наших родных, друзей и врагов, и получать от них, посредством писания или слов, советы, известия об их замогильном состоянии, мнения о нас, и, наконец, откровения, какие дозволено им сообщать нам.

Духи являются более или менее охотно, в зависимости от симпатии их к вызывающему кружку. Высшие духи находят удовольствие в собраниях серьезных, где господствуют любовь к добру и искреннее желание усовершенствования и просвещения. Присутствие их удаляет низших духов, которые, напротив, находят свободный доступ и могут действовать, не стесняясь, между людьми легкомысленными, руководимыми одним любопытством и обнаруживающими дурные склонности. Вместо того чтобы получать добрые советы или полезные сведения, от сообщений такого рода можно ожидать только лишь лжи, грубых шуток и обмана, потому что низшие духи принимают на себя имена лиц, достойных уважения, чтобы вернее вводить в заблуждение.

Отличать добрых духов от злых весьма легко: язык высших духов важен, благороден, исполнен самой высокой морали, чужд всех низких страстей; советы их дышат чистейшей мудростью и целью своей имеют всегда или ваше улучшение, или благо всего человечества. Язык же низших духов, напротив, непоследователен и часто груб; если они иногда и говорят хорошие и истинные вещи, то большей частью говорят ложь и нелепости, вследствие своей злобы или невежества; они забавляются легковёрностью людей, которые, обращаясь к ним с вопросами, льстят их самолюбию. Одним словом, серьезные сообщения, в полном смысле этого слова, могут получаться только в серьезных кружках, члены коих соединены между собой единством мысли и имеют одну цель – добро.

Нравственное учение высших духов, подобно учению Христа, заключается в следующем евангельском правиле: делать для других то, что мы желаем, чтобы другие делали для нас, то есть делать добро и не делать зла. В этом правиле человек находит указание, как вести себя во всех случаях жизни. Духи учат нас, что эгоизм, гордость, чувственность – страсти, приближающие нас к материи; что человек, который во время земной жизни своей отрешается от всего материального, презирая временные пустые удовольствия этого мира, и развивает в себе любовь к ближним, приближается к духовной природе; что каждый из нас должен быть полезен, в зависимости от способностей, дарованных ему Богом, для его испытания; что сильный должен покровительствовать слабому, потому что тот, кто употребляет силу или могущество свое для притеснения ближнего, нарушает вечный закон Божий. Они сообщают нам, наконец, что в мире духов, где ничто не может быть скрыто, лицемер будет обличен и все хитрости его обнаружены, что неизбежное и постоянное присутствие тех, кому сделано зло, есть одно из наказаний, ожидающих нас, что с состоянием низости или возвышенности духа связаны или страдания, или наслаждения, неизвестные нам здесь, на земле.

Но они говорят нам также, что нет преступления, которое не могло бы быть смыто искуплением. Человек находит эту возможность в различных телесных существованиях, которые позволяют ему, согласно его желаниям или страданиям, подвигаться вперед по пути прогресса, достигая мало-помалу полного совершенства, составляющего конечную цель его существования.

Такова сущность учения спиритизма, сообщенного нам высшими духами. Посмотрим теперь возражения наших противников.

VII

Для очень многих людей упорство ученых представляется если не доказательством, то по меньшей мере очень серьезным основанием к тому, чтобы поколебать доверие к новому мнению. Мы вовсе не из тех, кто восстают против ученых; напротив, мы очень уважаем их и сочли бы за честь иметь между ними последователей нашего учения, но мнение их во всяком случае не может считаться непогрешимым.

С того момента, когда наука кончает материальное наблюдение фактов и дело доходит до оценки и объяснения явлений, стоящих за этим кругом, тотчас открывается поле догадок, и каждый предлагает свою систему, преобладание которой ему желательно, и он с ожесточением защищает ее.

Не видим ли мы ежедневно, что самые разнородные мнения то превозносятся до небес, то отвергаются, как никуда не годные.

Сегодня они проповедуются как неоспоримые истины, а завтра отвергаются как очевидные заблуждения?

Факты – вот истинная проверка наших суждений, и только лишь в отсутствии фактов сомнение есть единственное мнение мудреца. В суждении о предметах, уже известных, мнение ученых, конечно, имеет значение, ибо у них сведений больше и сведения эти лучше, чем у массы неученых людей; но относительно предмета нового, никому еще неизвестного, их взгляд на вещи может быть и ошибочный, потому что они не более других чужды предубеждений; я скажу даже, что ученый может иметь предубеждений больше, чем кто-нибудь другой, так как он естественным образом старается все подчинить уже обоснованным у него взглядам на вещи; математик видит доказательства только в алгебраических вычислениях, химик относит все к действию элементов и пр.

Всякий человек, сделавшийся специалистом, невольно сосредотачивает на своей специальности все свои представления, но попытайтесь вывести его из круга своей специальности, и вы увидите, как он будет прямолинейно рассуждать, подчиняя все под знакомые ему законы. Это следствие человеческой слабости. Поэтому я охотно и с полным доверием буду спрашивать химика о каком-нибудь анализе, физика – об электрической силе, механика – о законах движения тел; но, надеюсь, они позволят мне – и это нисколько не нарушит уважения моего к их специальным познаниям – не иметь такого же доверия к их отрицательному мнению относительно спиритизма, точно так же, как я имею полное право не придавать большого значения суждению архитектора о каком-либо музыкальном вопросе.

Так называемые положительные науки основываются на свойствах материи, которую можно подвергать опытам по своему желанию; явления же спиритизма основаны на действиях разумных существ, одаренных свободной волей и беспрестанно доказывающих нам, что они не подчиняются нашему произволу. Следовательно, наблюдения над последними не могут быть производимы одинаково с первыми, они требуют особенных условий, и желать подчинить их обыкновенному методу исследований – значит добиваться невозможного. Таким образом, наука, собственно говоря, не может ничего сказать о спиритизме; она им не занялась, и поэтому суждение ее о нем – благоприятное оно или нет – не может иметь никакого значения.

Спиритизм есть результат личного убеждения, которое ученые также могут иметь как частные лица, независимо от их учености; но предоставить вопрос этот на разрешение науки будет то же, что заставить физиков или астрономов доказывать существование души. В самом деле, спиритизм весь основан на существовании души и на состоянии ее после смерти; не безрассудно ли после этого думать, что человек должен быть великим психологом только потому, что он великий математик или великий анатом.

Анатом, рассекая тело человека, ищет душу и, так как не находит ее под своим скальпелем, как находит какой-нибудь нерв, так как не видит ее улетающею подобно газу, то и заключает, что ее нет, она не существует, потому что он смотрит на вопрос только лишь в материальной стороны.

Следует ли на этого, что он прав, несмотря на всеобщее мнение?

Конечно, нет.

Итак, ясно, что спиритизм выходит из круга обыкновенных наук. Когда доктрины этого учения сделаются общими, когда они будут приняты массой народа (а если судить по быстроте, с которой они распространяются, это может быть скорее, чем думают некоторые), то с ними будет то же, что со всеми новыми идеями, встречавшими сопротивление, ученые должны будут подчиниться очевидности. До этого же времени неблагоприятно было бы отвлекать их от специальных занятий и заставлять заниматься предметом, совершенно посторонним для них и не касающимся их специальностей.

Все же те, кто, не изучив предварительно предмет, не вникнув в него хорошенько, отвергают или насмеваются над всем, что не согласно с их понятиями, забывают, что это самое было с большей частью великих открытий, сделавших честь человечеству; они рискуют увеличить именами своими список знаменитых преследователей новых идей и стать наряду с членами ученого собрания, встречавшими в 1752 году громкими насмешками статью Франклина о громоотводах, признав ее даже недостойной ученого общества; или с членами Парижской Академии Наук, которые лишили Францию преимущества иметь первые пароходы, объявив систему Фултона несбыточной мечтой.

И если в этих собраниях, заключающих в себе весь цвет ученого мира, нашли место насмешки и сарказм над идеями, которые спустя несколько лет сделали переворот в науке, обычаях и промышленности, то можно ли рассчитывать, что предмет, чуждый их компетенции и обыкновенных занятий, будет принят ими благосклонно.

Эти ошибки и заблуждения ученых не могут отнять уважения, вполне заслуженного ими в других отношениях. Но неужели нужен официальный диплом для того, чтобы иметь право рассуждать, и неужели все, не заседающие в Академии Наук, невежды и глупцы?

Пусть посмотрят хорошенько на последователей спиритизма и увидят, одни ли невежды встречаются между ними, и можно ли при таком количестве людей, принявших это учение и отличавшихся высшими достоинствами просвещенных деятелей, поставить его наряду с суеверными идеями старых женщин? Характер я познания этих спиритов позволяют смело сказать, что если такие люди утверждают это, то, верно, здесь есть что-нибудь, заслужившее их внимание.

Мы повторяем снова, что если бы явления, занимающие нас, ограничивались только лишь механическим движением тел, то наследование физической причины входило бы в область науки; но коль скоро дело идет о проявлениях, стоящих вне законов, известных человечеству, то объяснения этих явлений выходят уже из круга материальных наук, потому что явления этого рода не могут быть объяснены ни цифрами, ни механической силой.

Когда является такой новый факт, который не может быть объяснен ни одной из известных наук, добросовестный ученый, приступающий к изучению его, должен устранить на время свою науку и сказать себе, что этот факт для него совершенно новый, который не может быть изучен иначе, как по предварительном удалении всяких предвзятых положений, хотя бы они были и научные.

Человек, считающий себя непогрешимым, весьма близок к заблуждению; даже те, кто имеют самые ложные идеи, основываются на своем рассудке и потому отвергают все, что им кажется невозможным. Все, отвергшие великие открытия, делающие честь человечеству, отвергали их по приговору этого же судии; то, что называют рассудком, часто бывает лишь

замаскированной гордостью, и кто считает себя непогрешимым, делает себя как бы равным Богу.

Итак, мы обращаемся к тем, которые достаточно благоразумны, чтобы не отвергать безусловно того, чего они не видели, а которые, судя о будущем по прошедшему, не думают, что человек достиг уже высшей точки знания и что природа открыла ему последнюю страницу своей книги.

VIII

Добавим здесь, что изучение такого предмета, как спиритизм, который открывает нам порядок столь новых вещей, столь возвышенных положений, может быть занятием только людей серьезных, терпеливых, чуждых предубеждений и одушевляемых твердым и искренним желанием достигнуть результата.

Мы не можем приписать этих качеств людям, которые судят легкомысленно, не видев ничего или видев очень мало, которые не вносят в занятия свои ни последовательности, ни аккуратности, ни необходимой при этих исследованиях сосредоточенности; еще менее способны на это те, кто, боясь потерять репутацию умных людей, стараются найти смешную сторону в вещах истинных или признаваемых за истинные лицами, коих познания, характер и убеждения заслуживают уважения каждого благовоспитанного человека.

Пусть же те, кто считают факты эти недостойными своего внимания, воздержатся от насмешек: никто не думает насильно навязывать им свои верования, но пусть же и они в свою очередь отнесутся с уважением к убеждениям других.

Ничто не характеризует так серьезности изучения предмета, как последовательность занятий. Можно ли удивляться, что не получаются дельные ответы на вопросы серьезные сами по себе, когда они делаются как бы случайно и бывают перемешаны со множеством самых нелепых вопросов? Кроме того, вопрос часто бывает сложен и потому требует для пояснения несколько предварительных или дополнительных вопросов. Кто хочет изучить предмет, должен заняться им методически, начать с самого начала и следить за связью и развитием идей.

Тот, кто случайно обратится к ученому с вопросом, касающимся науки, вовсе незнакомой ему, приобретет ли желаемое сведение? Сам ученый, при всем желании своем, может ли дать ему удовлетворительный ответ? Этот отдельный ответ непременно будет наполнен и тем самым непонятен, а иногда может показаться даже бессмысленным и противоречащим, то же самое бывает при наших сообщениях с духами.

Если кто желает воспитываться в их школе, тому следует пройти с ними весь их курс и при этом между духами, как и между людьми, нужно выбирать наставников и усердно работать. Мы сказали, что высшие духи являются только в серьезные собрания и в особенности в те, где господствуют полнейшее единодушие и стремление к добру. Легкомысленные и пустые вопросы удаляют их; тогда остается широкое поле для низших духов, всегда готовых воспользоваться случаем потешиться над нами. Что будет с серьезным вопросом, предложенным в таком обществе? Получится ответ, но кто ответит? Это все равно, как если бы вы предложили веселой компании вопросы: что такое душа? что такое смерть? или что-нибудь в этом роде.

Если вы хотите предлагать вопросы серьезные и получать такие же ответы, то будьте сами серьезны в полном смысле этого слова, поставьте себя в необходимые для этого условия и тогда только вы можете достигнуть цели. Кроме того, постоянно и усердно работайте; в противном случае высшие духи оставят вас, подобно тому, как учитель оставляет нерадивых учеников.

IX

Движение предметов есть признанный факт, нужно узнать только, есть ли в этом движении разумное проявление или нет, и если есть, то отчего оно происходит?

Мы говорим здесь о разумном движении некоторых предметов, а не о словесных сообщениях, и не о тех, которые пишутся прямо рукой медиума; этот род проявлений, очевидный для того, кто видел и исследовал все, о первого взгляда не кажется достаточно независимым от воли медиума, чтобы убедить нового наблюдателя. Мы будем говорить только о писании, полученном посредством какого-нибудь предмета, к которому прикреплен карандаш, как, например, к коробке, к дощечке и тому подобное. Положение пальцев медиума на двигающемся предмете не допускает никакой возможности, какова бы ни была ловкость медиума, содействовать начертанию букв. Но допустим даже, что вследствие непостижимой ловкости он может обмануть самый внимательный глаз; как объяснить в таком случае ответы, которые превышают познания и даже понятия медиума? И заметьте при этом, что получаются не односложные ответы, а часто целые страницы, написанные с удивительной быстротой. Под рукой медиума, совершенно незнакомого с литературой, является самая возвышенная поэзия, которая могла бы сделать честь самому лучшему поэту; при этом достойно удивления еще и то, что число медиумов увеличивается с каждым днем.

Действительны ли эти факты или нет?

На это мы можем сказать только одно: смотрите и наблюдайте: за случаями остановки не будет, но наблюдайте часто и долго и при требуемых условиях.

Что же отвечают противники на очевидные факты?

Вы обмануты, говорят они, вы жертва шарлатанов или обмана воображения.

Мы скажем на это, во-первых, то, что шарлатанству не может быть места там, где нет никакой выгоды; шарлатаны даром не занимаются своим ремеслом.

Следовательно, остается предположить, что это больше ничего, как обман, желание одурачить. Но тогда по какому же странному стечению обстоятельств все эти обманщики, разбросанные по всему земному шару, действуют одинаково; производят одни и те же явления и об одном и том же предмете на различных языках дают одинаковые ответы, если не совершенно сходные в словах, то тождественные по смыслу?

Каким образом умные, честные, образованные люди предаются подобному занятию и в какой целью?

Можно ли предположить терпение и искусство, необходимые для этого, в малолетних детях, когда они являются медиумами. Ведь если медиум не простое орудие посторонней разумной силы, то он должен бы иметь искусство и ловкость, несовместимые ни с определенным возрастом, ни с определенным положением в обществе.

Тогда прибавляют, что если нет умышленного обмана, то можно быть обманутым своим собственным воображением.

Рассуждая логически, нельзя не признать, что качества свидетелей должны иметь тут некоторое значение; поэтому мы спросим здесь, неужели одни невежды составляют толпу исследователей спиритизма?

Явления эти так необыкновенны, что мы вполне понимаем невольно рождающиеся сомнения, но чего нельзя понять, так это претензии некоторых неверующих на исключительное обладание здравым рассудком; неверующих, которые, не уважая ни приличий, ни нравственных достоинств своих противников, называют прямо безумцами всех, кто не придерживается одинаковых с ними убеждений.

В глазах человека рассудительного мнение людей посвященных, образованных, которые долго наблюдали, изучали, обдумывали предмет, если не будет доказательством, то по крайней

мере расположит в пользу рассматриваемого предмета, уже по одному тому, что этот предмет мог обратить на себя внимание людей серьезных, не имеющих ни выгоды проповедовать заблуждение, ни времени заниматься пустыми развлечениями.

Х

В числе возражений есть более основательные и, по-видимому, вытекающие из наблюдений, сделанных серьезными людьми.

Одно из них основано на способах выражения некоторых духов, которые не соответствуют возвышенности, приписываемой сверхъестественным существам.

Если обратят внимание на приведенное выше извлечение, сделанное нами из учения спиритизма, то увидят, что сами духи сообщают, что они неравны между собой ни познаниями, ни нравственными качествами и что не следует принимать буквально все, что говорят они. Люди здравомыслящие сами должны отличать истину от лжи. Очевидно, что те, кто выводят из этих явлений, что мы имеем дело со зловредными существами, коих единственное занятие состоит в обмане, не знают сообщений, получаемых в собраниях, где проявляются только высшие духи, иначе они не думали бы так. Жаль, что случай доставил им возможность видеть только дурную сторону спиритизма, потому что мы не хотим допустить, чтобы симпатия привлекала к ним злых духов, коих язык исполнен отталкивающей грубости, больше, чем добрых духов.

Но, во всяком случае, из этого можно заключить, что основные их правила недостаточны для того, чтобы удалять от них зло, и что ввиду того, что некоторые находят удовольствие в удовлетворении своего любопытства в этом отношении, злые духи, пользуются этим, между тем как добрые удаляются от них.

Судить о духах по подобным фактам будет так же неосновательно, как судить о характере народа по словам людей, составивших себе дурную репутацию, в которыми не имеют ничего общего люди серьезные и благоразумные. Рассуждающие таким образом похожи на иностранца, который, приехав в самое дурное предместье большого города, судил бы обо всех жителях его по нравам и языку этого предместья.

В мире духов есть также и хорошее и дурное общество; пусть обратят внимание на высших, избранных, духов в тогда убедятся, что загробный мир населен не одними низкими существами. Но, говорят они, являются ли к вам высшие духи? На это мы ответим: не оставайтесь в предместье города, смотрите и наблюдайте, и тогда будете судить; явления эти доступны для всех, исключая людей, разумеется, к которым могут отнестись слова Иисуса: «Они имеют глаза и не видят, имеют уши и не слышат».

Есть еще разновидность этого же мнения, состоящая в том, что все откровения, равно как и все материальные явления, спиритизма производятся силой демонов, принимающих всевозможные формы, чтобы лучше обмануть нас. Мы не считаем мнение это заслуживающим серьезного внимания, а потому не останавливаемся на нем: оно опровергается сказанным нами уже выше; мы прибавим только, что если бы это было так, нельзя было бы не согласиться, что дьявол иногда бывает очень умен, благоразумен и в особенности высоконравственен, или что есть и добрые дьяволы.

Как допустить в самом деле, что Бог позволяет проявляться духу зла, чтобы губить нас, и лишает нас в то же время возможности получать советы добрых духов?

Если Он не может сделать иначе, то Он не всемогущ, если же может и не делает, то это несовместимо с Его благостью; и то, и другое будет чистое богохульство. Заметьте при этом, что допустить сообщения злых духов – значит признавать начало, производящее эти явления; но раз уж оно существует, то существует не иначе, как по воле Божией; как же поверить, что Бог, устраняя добро, допускает одно лишь зло? Такое учение противно самому простому понятию здравого рассудка и религии.

XI

Странная вещь, говорят некоторые, что проявляются только духи известных лиц, и потом прибавляют, отчего же проявляются только они одни?

Это – заблуждение, происходящее, как и многие другие, от поверхностного наблюдения; между духами, сообщающимися внезапно, без вызывания, очень часто встречаются неизвестные духи, называющие себя какими-нибудь аллегорическими или характеристическими именами. Что же касается тех духов, которых вызывают, то естественнее человеку обращаться, если не к родному или другу, то к тому, кого знают, чем к тому, кого не знают вовсе; имена знаменитых людей поражают больше и потому чаще обращают внимание на ответы их.

Находят еще странным, что духи людей знаменитых являются на наш призыв и занимаются иногда слишком мелочными вещами в сравнении с тем, что они совершили во время земной своей жизни.

Здесь нет ничего удивительного для тех, кто знают, что власть, могущество и уважение, коим эти люди пользовались на земле, не дают им никакого преимущества в мире духов. В этом отношении духи подтверждают слова Евангелия, что великие мира сего будут унижены, а смиренные возвысятся, относя это к разрядам, какие каждый из нас займет между духами; так иногда тот, перед кем мы преклонялись во время его жизни, может встретиться с нами там, как человек, ничего не значащий, потому что, оставляя телесную жизнь, он оставляет и все величие свое, и самый могущественный монарх окажется, может быть, ниже последнего из своих подданных.

XII

Что низшие духи часто называются именами известных и уважаемых лиц, это факт, дознанный наблюдениями и подтвержденный самими духами. И действительно, кто же может уверить нас, что духи, называющие себя, например, Сократом, Юлием Цезарем, Фенелоном, Наполеоном, Вашингтоном и пр., действительно одушевляли этих людей? Сомнения эти иногда тревожат даже самых ревностных последователей спиритизма; они допускают вмешательство и проявления духов, но спрашивают, чем можно удостовериться в их подлинности? Действительно, трудно указать верное средство для этого; но если нельзя доказать этого так же положительно, как бы это было сделано при наличности гражданского акта, то, следуя известным указаниям, все-таки можно достигнуть некоторой вероятности. Когда проявляется дух особы, известной нам, в особенности же родного или друга, умершего недавно, то его язык согласуется вообще с хорошо знакомым нам его характером; это уже прямое указание на тождество; но сомнение должно исчезнуть совершенно, когда дух этот говорит о частностях, напоминает обстоятельства, которых никто не знает, кроме предлагающего вопросы. Сын, вероятно, не ошибается, слыша речь своего отца или матери, точно так же и родители, слушая разговор сына.

При сообщениях с духами, близкими нам, случаются иногда поразительные вещи, могущие убедить самого неверующего человека. Часто самый закоренелый скептик бывает приведен в ужас неожиданными откровениями, получаемыми таким образом.

Есть еще одно весьма замечательное обстоятельство, которое может послужить подтверждением самоличности духа. Мы говорили уже, что почерк медиума изменяется обыкновенно с появлением каждого нового духа и что почерк этот возобновляется каждый раз при появлении того же духа, относительно особ, в особенности умерших недавно, почерк этот имеет поразительное сходство с пожизненным почерком их; случалось видеть совершенно одинаковые подписи.

Мы не указываем на этот факт, как на несомненное правило доказательства тождества, мы напоминаем о нем только как об обстоятельстве, достойном замечания.

Только духи, достигшие определенной степени чистоты, чужды всякого материального влияния; но пока они не совершенно освободились от этого влияния, они сохраняют большую часть идей, склонностей и даже мании, которыми она обладали во время своей земной жизни, и это обстоятельство также может служить одним из средств для распознавания духов.

Случается, что писатели, переселившиеся в мир духов, сами опровергают свои учения, одобряют или порицают некоторые части их; другие же духи напоминают неизвестные или малоизвестные обстоятельства своей жизни или смерти.

Все эти факты и подобные им, могут служить единственными доказательствами тождества, которыми можно пользоваться для подтверждения отвлеченных предметов.

Итак, если самоличность вызываемых духов может быть до определенной степени доказана в некоторых случаях, то нет оснований полагать, чтобы это было невозможно и в других, и если, нет таких же средств для давно умерших, то во всяком случае остается для проверки их способ выражений, образ мыслей в характер; так как дух добродетельного человека во всяком случае не будет говорить так, как дух злодея или человека развратного.

Что же касается духов, принимающих на себя уважаемые чужие имена, то они скоро обнаруживают себя своим языком и своими рассуждениями.

Тот, например, кто назвался бы Фенелоном и говорил хотя бы местами против здравого смысла и чистой нравственности, тот этим самым обнаружил бы подлог. Если же, напротив, мысли, выражаемые ими, возвышенны, чужды противоречия и во всем достойны характера Фенелона, то нет причины сомневаться в его тождестве, иначе нужно предположить, что дух,

проповедующий только одно добро, может умышленно употреблять ложь; и притом без всякой пользы.

Опыт доказывает нам, что духи одной степени развития, одинакового характера и склонностей, соединяются в группы и семейства; а так как число духов бесконечно, и мы знаем далеко не всех, то большая часть из них не имеет даже имен для нас. Поэтому дух, во всем сходный с Фенелоном, может явиться вместо него, часто даже посланный им самим; он является под его именем потому, что он тождественен с ним и может заменить его, и потому что нам нужно имя, чтобы обратить внимание; то не все ли равно в сущности, сам ли Фенелон говорит нам или другой дух, если он передает нам хорошие вещи и притом говорит также, как бы сказал сам Фенелон; ясно, что он добрый дух; имя же, под которым он проявляется, ничего не значит, оно часто бывает только средством обратить наше внимание.

При вызывании же родных или друзей, как мы сказали выше, тождество может быть доказано более положительным образом.

Бесспорно, при появлениях духов подлоги могут быть причиной множества ошибок и заблуждений, что составляет главное затруднение практических занятий спиритизмом, но мы и не говорили никогда, что наука эта достается легко или что можно изучить ее шутя.

Мы не перестаем повторять, что она требует, как и всякая другая наука, прилежных и часто весьма продолжительных занятий; так как явления эти не могут быть производимы всякий раз по нашему произволу, то нужно терпеливо ожидать их – нередко они обнаруживаются, когда мы наименее ожидаем их.

Для наблюдателя внимательного и терпеливого в фактах недостатка нет, потому что он непрерывно открывает характеристические оттенки, из коих каждый служит для него новым лучом света.

То же самое бывает и в обыкновенных науках: в то время как профан видит в цветке только изящную форму, ученый открывает в нем неисчерпаемый источник сокровищ для ума.

XIII

Предыдущие рассуждения заставляют нас сказать несколько слов о другом затруднении, вызываемом противоречиями в сообщениях духов.

Так как духи отличны один от другого своими познаниями и нравственными достоинствами, то, очевидно, что один и тот же вопрос может быть решен различно, в зависимости от степени развития духа, точно так же, как если б один и тот же вопрос предложили бы попеременно ученому, невежде и шутнику.

Самое главное, как мы сказали уже, это знать, к кому обращаться.

Но, говорят некоторые, каким образом даже и те духи, которые признаны высшими, не всегда согласны в своих ответах? На это мы скажем, во-первых, что, кроме упомянутой нами причины, могут быть другие, имеющие влияние на характер ответов независимо от свойства духов. Это весьма важное обстоятельство может выясниться только лишь при изучении предмета: вот почему мы говорим, что изучение это требует постоянного внимания, глубоких исследований и, наконец, как и все науки, терпения и последовательности.

Признают ведь, что нужны целые годы, чтобы сделаться посредственным медиком, и три четверти жизни, чтобы сделаться ученым, а здесь хотят в несколько часов приобрести сведения о бесконечном!

Пусть же не обманывают себя: изучение спиритизма безгранично; оно касается всех метафизик и социальных вопросов; это целый мир открывается перед нами; можно ли удивляться после этого, что нужно много времени для изучения такого высокого предмета.

Впрочем, противоречие бывает часто более кажущимся, чем действительным, не видим ли мы ежедневно людей, которые преподают одну и ту же науку с различными определениями вещей, или употребляя различные термины или же смотря на вещи с различных точек зрения, хотя основная идея у них одна и та же. Прибавим к этому, что форма ответа часто зависит от формы вопроса. Смешно находить противоречие там, где замечается различие в одних только словах. Высшие духи нисколько не заботятся о форме, мысль составляет для них все.

Возьмем для примера определение души. Так как это слово не имеет постоянного значения, то духи могут подобно нам, употреблять его различно: один может сказать, что душа есть начало жизни, другой назовет ее одушевляющей искрой, третий может сказать, что она внутри нас, а четвертый – что она вне нас и прочее, и каждый из них будет по-своему прав.

Можно даже думать, что некоторые из них проповедуют теории материализма, между тем как в сущности этого вовсе нет.

Точно так же говорят они *о Боге*, называют Его Началом всех вещей, Творцом Вселенной, Верховным Разумом, Бесконечным Существом, Великим Духом и пр., и пр., а в сущности – это все-таки Бог.

Скажем, наконец, о классификации духов. Они представляют непрерывную последовательность от самых низших, до самых высших, поэтому классификация их произвольная, один может разделять их на 3 класса, другой на 5, на 10, на 20 и так далее, нисколько не заблуждаясь через это. Каждый ученый имеет свою систему; системы изменяются, а наука остается та же. Будут ли изучать ботанику по системе Линнея, Жюсье или Турнфора, ее могут изучить одинаково.

Перестанем же придавать условным вещам более важности, чем они стоят, и обратим внимание на то, что действительно серьезно. Рассуждение может открыть нам в вещах, по видимому, самых несообразных, согласие, незамеченное о первого взгляда.

XIV

Мы упомянули бы только вскользь о возражении скептиков, основанном на орфографических ошибках, делаемых некоторыми духами, если бы оно не приводило к весьма важному замечанию.

Орфография их действительно не всегда безукоризненна, но нужно быть весьма недалеким, чтобы сделать из этого предмет серьезной критики, рассуждая, что, так как духи знают все, то должны они знать и орфографию.

Мы могла бы в ответ на это представить бесчисленные погрешности такого рода, делаемые самими учеными людьми в мире, достоинство которых нисколько не страдает от этого, но из этого факта вытекает другой вопрос. Для духов, в особенности высших, идея составляет все, форма же ничего не значит. Так как они освобождены от материи, то разговор их между собой совершается так же быстро, как мысль, потому что мысли их взаимно передаются без всякого посредничества внешних знаков, поэтому они должны быть очень стеснены, когда, желая сообщаться с нами, принуждены употреблять медленный и затруднительный язык человеческий, недостаточный для выражения всех идей; они сами говорят нам это; и как любопытно видеть средства, употребляемые ими для ограничения этого неудобства. Это самое было бы с нами, если бы нам пришлось выражаться на языке, более растянутом в оборотах и менее богатой в выражениях, чей наш язык, то же испытывает гениальный человек, когда перо не успевает следовать за мыслями, всегда опережающими его.

После всего этого легко понять, что духи мало обращают внимания на орфографию, в особенности когда дело идет о серьезных ответах; неудивительно ли уже и то, что они выражаются на всех языках и понимают их. Из всего этого не следует заключать, впрочем, что условная правильность языка им неизвестна; они соблюдают правила, когда это бывает нужно.

Так, например, стихи, продиктованные ими, могут выдержать самую строгую критику во всех отношениях, несмотря на полное невежество медиума.

XV

Есть люди, которые видят во всем, чего не знают, грозящую им опасность. Эти люди и здесь создают неблагоприятное заключение из того, что некоторые, предавшись занятию спиритизмом, потеряли рассудок. Непостижимо, каким образом люди здравомыслящие могут вывести из этого факта серьезное опровержение?

Не то же ли самое влияние имеют все умственные занятия на слабый рассудок? Известно ли число сумасшедших, помешавшихся вследствие занятий математикой, медициной, философией, музыкой и пр.

Неужели через это нужно изгнать все эти науки? Что же доказывается этим? При физических работах повреждают руки, ноги – орудия материальных действий; при умственном труде повреждают мозг – орудие мысли. Но от повреждения орудия дух не страдает, и хотя освобождается от влияния материи, он пользуется по-прежнему всеми своими способностями. Это в своем роде – мученик труда.

Все усиленные занятия ума могут быть причиной сумасшествия: науки, искусства и даже самая религия может быть пунктом помешательства.

Первая причина сумасшествия заключается в органическом расположении мозга, которое делает его более или менее впечатлительным. Поэтому когда есть предрасположение к помешательству, то при умственном труде оно всегда принимает характер преобладающего занятия, которым увлекался больной и которое делается господствующей мыслью. Эта господствующая мысль может быть о духах у того, кто занимается спиритизмом, точно так же, как предметом его могут быть: Бог, ангелы, дьявол, счастье, могущество, искусство, наука, политический или общественный вопрос и пр. Весьма вероятно, что помешавшийся на религии был бы помешан на спиритизме, если бы исследование этого учения было его господствующим занятием, и наоборот.

Итак, я говорю, что спиритизм в этом отношении не имеет никакого преимущества; скажу больше: спиритизм, хорошо понимаемый, может быть даже предохранением от помешательства.

В числе причин, производящих излишнее напряжение мозга, кончающееся помешательством, считают обманутые надежды, несчастья, разочарования, которые в то же время часто бывают причиной самоубийства.

Истинный же спирит смотрит на все это иначе, с более возвышенной точки зрения, все это кажется ему ничтожным в сравнении с будущностью, ожидающей его; жизнь для него так коротка, так скоротечна, что все превратности в его глазах суть не что иное, как неприятности путешествия. То, что на другого произвело бы страшное впечатление, на него действует слабо, ибо он знает, что грани жизни суть испытания, которые для него являются средством к нравственному совершенствованию, если он перенесет их безропотно; что он будет награжден сообразно с тем мужеством, с которым он покорится своей судьбе. Эти убеждения дают решимость, которая предохраняет его от отчаяния, а следовательно, от одной из причин помешательства и самоубийства. Кроме того, он знает из откровений самих духов, что ожидает тех, которые сами добровольно сокращают свои дни; в этого достаточно, чтобы заставить его подумать хорошенько о своем положении. Много было уже случаев, что учение это останавливало человека на краю пропасти. Это одна из величайших заслуг спиритизма. Пусть неверующие смеются сколько хотят; я от души желаю утешения, доставляемого спиритизмом, тем, которые имели терпение углубляться в это учение.

В числе причин сумасшествия можно также поставить страх, а боязнь дьявола расстроила уже не один рассудок. Известны ли все жертвы, слабое воображение коих было поражаемо страшными картинами суеверия?

Дьявол, говорят, страшен только для детей; это узда, заставляющая их вести себя хорошо: да, но зато, когда они перестают бояться его, они делаются хуже прежнего; и для этого прекрасного результата дети подвергаются риску впасть в эпилепсию, образуемую вследствие потрясения слабого еще мозга.

Религия была бы слишком слаба, если бы она могла иметь влияние на человека одним только страхом. К счастью, этого нет, — она имеет другие средства воздействовать на души. Спиритизм доставляет ей средства более серьезные, более действительные, если она захочет воспользоваться ими; он показывает вещи в их настоящем виде и этим самым уничтожает губительное влияние преувеличенного страха.

XVI

Теперь остается рассмотреть два возражения, единственные достойные внимания, потому что они основаны на обдуманых теориях; и та, и другая признают действительность материальных и моральных явлений, но исключают вмешательство духов.

Согласно первой из этих теорий, все проявления, приписываемые духам, суть не что иное, как явления магнетизма. Медиумы в таком случае находятся в состоянии, которое можно было бы назвать бодрственным сомнамбулизмом, — феномен, весьма знакомый всем, изучавшим магнетизм.

В этом состоянии умственные способности получают ненормальное развитие; круг понятий расширяется и выходит из обыкновенных пределов. Таким образом медиум черпает в себе самом, вследствие своего ясновидения, все, что он говорит, все сведения о предметах, неизвестных ему в обыкновенном состоянии.

Мы не станем опровергать силу сомнамбулизма, коего чудеса видели и изучали в продолжение 35 лет; мы согласны, что действительно многие проявления спиритизма могут быть объяснены этой теорией; но постоянное и внимательное наблюдение открывает много фактов, в которых вмешательство медиума, иначе как пассивного орудия, физически невозможно.

Тем, которые разделяют это мнение, мы скажем, как и другим: «Смотрите и наблюдайте, вы, верно, не все еще видели». Далее мы противопоставим им два довода, выведенные из их же учения.

Откуда произошла теория спиритизма?

Вымышлена ли она кем-либо из людей для объяснения явлений?

Нисколько.

Кто же открыл ее?

Те самые медиумы, которым приписываете ясновидение; если это ясновидение таково, как вы предполагаете, то почему приписали они духам то, что черпали в себе?

Каким образом сообщили они сведения столь точные и столь логичные о природе этих разумных существ? Одно из двух: или они ясновидящие, или нет; если они действительно ясновидящие, то нельзя допустить, не противореча самому себе, что они говорят не истину.

Кроме того, если бы все явления имели источник свой в самом медиуме, то они были бы одинаковы у одного и того же медиума, и не случилось бы, чтобы один и тот же медиум говорил вещи, друг другу противоречащие. Это различие проявлений, полученных через одного и того же медиума, доказывает различие источников; если же нельзя найти их в самом медиуме, то нужно искать их вне его.

Согласно другой теории, медиум есть также источник проявлений, но вместо того чтобы черпать их в самом себе, как это думают приверженцы теории сомнамбулизма, он черпает их в окружающей среде.

Таким образом, медиум делается как бы зеркалом, отражением всех идей, мыслей и познаний, окружающих его; он не может сказать ничего такого, что не было известно хотя бы одному из них.

Это нельзя отвергать, и это даже один из принципов учения, что присутствующие имеют влияние на характер проявлений, но влияние это вовсе не такого рода, как предполагают; и от этого далеко еще до заключения, что медиум есть эхо их мыслей, потому что тысячи фактов убеждают в противном.

Итак, это чистое заблуждение, доказывающее еще раз, как опасно выводить опрометчивые заключения.

Эти господа, не будучи в состоянии отрицать существования явлений, которых не могут объяснить обыкновенные науки, и не желая допустить присутствие духов, объясняют все по-

своему. Их теория была бы правдоподобна, если бы могла отнять все факты, но этого нет; когда им доказывают очевидным образом, что некоторые откровения медиума совершенно чужды его мыслей, его познаний, равно как и мнений всех присутствующих; что откровения эти часто бывают неожиданны и противоречат всем, и прежде всего составленным идеям, — они не останавливаются на этом влиянии присутствующих, медиум отражает в себе, говорят они, целое человечество, так что если он не может почерпнуть вдохновение свое возле себя, то может черпать его в городе, в стране, на земном шаре и даже на других мирах.

Я не думаю, что в этой теории можно было найти более простое объяснение, чем в спиритизме, потому что она допускает явления гораздо менее понятные.

Идея, что разумные существа, населяющие пространства, приходя в сообщение с нами, передают нам свои мысли, не противоречит рассудку более, чем предположение, что посторонние мысли, находящиеся во всех пунктах вселенной, сосредоточиваются в уме одного человека.

Скажем еще раз, и это обстоятельство очень важное, что теория сомнамбулизма и другая, которую можно назвать *теорией отражения*, были выдуманы людьми — это мнения частные, созданные для объяснения явлений, между тем как учение духов не было выдумано человеком, это было продиктовано самими проявляющимися разумными существами, в то время когда никто не думал об этом, когда общее мнение отвергало даже эту идею. Теперь мы спросим, где могли почерпнуть эту идею медиумы, когда она не существовала ни в чьем уме на Земле? Кроме того, по какому странному стечению обстоятельств тысячи медиумов, рассеянных по всему земному шару, никогда не выдавшие друг друга, согласились говорить одно и то же? Если первый медиум, явившийся во Франции, подчинился влиянию мнения, существовавшего уже в Америке, то почему он почерпнул эти идеи за 2000 миль по ту сторону океана, у народа, чуждого ему и по нравам, и по языку, вместо того чтобы искать вокруг себя?

Здесь еще есть одно обстоятельство, упущенное из виду. Первые проявления как во Франции, так и в Америке, совершились не посредством писания, не посредством слов, а с помощью ударов соответствовавших порядку букв азбуки и составлявших слова и фразы. Этим средством проявлявшиеся разумные существа объявили, что они духи. Поэтому, если и возможно предположить вмешательство мыслей медиума в письменные или словесные сообщения, то нельзя допустить этого вмешательства при сообщениях ударами, значение коих не могло быть известно заблаговременно.

Мы могли бы привести множество фактов, доказывающих индивидуальность и разумную волю проявляющихся существ.

Мы советуем неверующим сделать более внимательное наблюдение, и если они захотят изучить предмет, устранив всякие предубеждения, и не будут делать заключений, не видев всего, то они поймут неудовлетворительность этих теорий.

Мы ограничимся следующим вопросом: почему проявляющиеся существа, кто бы они ни были, отказываются отвечать на некоторые вопросы, как, например, сказать имя или лета спрашивающего, что у него в руке, что он делал вчера, что намерен делать завтра и пр.? Если б медиум был зеркалом мысли присутствующих, то ему легко было бы отвечать на эти вопросы. Противники обращают ваше возражение против вас самих, спрашивая, в свою очередь, почему духи, которые должны знать все, не могут сказать таких простых вещей, согласно аксиоме: *кто может сделать больше, может сделать и меньше*. Отсюда заключают, что никакие духи не участвуют в этом.

Если бы невежда или шутник явился в ученое общество и спросил: «Почему в полдень светло?» Неужели вы думаете, что общество ответило бы серьезно на этот вопрос, и можно ли бы было заключить из молчания или насмешек членов его, что оно состоит из невежд?

Потому именно и не отвечают духи на подобные вопросы, что они существа высшие, я вот почему они молчат или советуют заняться чем-либо более серьезным.

Мы спросим, наконец, почему духи являются и уходят в строго определенное время, и когда время это прошло, ни просьбы, ни мольбы не могут возвратить их?

Если бы медиум действовал вследствие отражения мысли присутствующих, то очевидно, что совокупность воли их должна бы увеличивать ясновидение его. Если же он не уступает желанию общества, поддерживаемому его собственной волей, значит, он повинуетя влиянию, не зависящему ни от него самого, ни от окружающих его в доказывающему этим свою самостоятельность и свою индивидуальность.

XVII

Недоверие к учению спиритизма, если оно не есть следствие умышленного систематического сопротивления, происходит почти всегда от несовершенного знания предмета, что нисколько не мешает некоторым выводить заключения о нем, как о предмете совершенно известном им. Можно иметь много ума и даже образования и все-таки ошибаться в своих суждениях; первый признак шаткости суждения – это уверенность в непогрешимости его.

Многие видят также в проявлениях спиритизма лишь предмет любопытства, но мы надеемся, что, прочитав эту книгу, они найдут в этих странных явлениях не одно простое препровождение времени.

Учение спиритизма разделяется на две части, одна состоит из наблюдений над проявлениями вообще, другая заключает в себе философию разумных проявлений.

Кто занимается только первой частью этого учения, тот находится в положении человека, который знал бы физику по одним интересным опытам, никогда не углубляясь в сущность науки. Истинное учение спиритизма заключается в наставлениях, сообщенных духами, и познания, почерпаемые из этих наставлений, слишком важны, чтобы можно было приобрести их иначе, как посредством серьезного и последовательного изучения, сопровождаемого спокойствием, сосредоточенностью мыслей, потому что при этих условиях только и можно заметить множество фактов и оттенков, ускользающих от легкомысленного наблюдателя и дающих возможность сделать основательное заключение. Если книга эта выкажет только серьезную сторону этого вопроса и побудит к занятиям такого рода, то и это будет уже много, и мы порадуемся от души, что были избраны для совершения этого великого дела, хотя не приписываем себе никакой личной заслуги, потому что учение, заключающееся здесь, не есть наше творение: вся заслуга принадлежит духам, продиктовавшим его. Мы надеемся, что книга эта приведет людей к истине, указав им высокую цель этих занятий: прогресс частный и общественный и вместе с тем наведет их на путь, ведущий к достижению этой цели.

Окончим последним рассуждением.

Астрономы, рассматривая пространство, нашли в распределении небесных тел промежутки, не оправдываемые ничем и не согласующиеся с общими законами целого; они предположили, что промежутки эти должны быть наполнены телами, ускользающими от наших взоров; с другой стороны, они заметили некоторые явления, коих причины были неизвестны им, и потому они сказали: там должен быть мир, потому что промежуток этот не может иначе существовать, и явления эти должны иметь свою причину, и впоследствии факты подтвердили их предположения.

Приложим это же самое рассуждение к другому порядку вещей. Если рассматривать все существа Вселенной, то ясно видно, что они составляют непрерывную цепь от безжизненной материи до самого развитого человека. Но между человеком и Богом, который есть альфа и омега всего существующего, какой страшный промежуток! Последовательно ли будет думать, что человеком кончается эта цепь? Что он сразу непосредственно пройдет это расстояние, отделяющее его от бесконечного?

Рассудок говорит вам, что между человеком и Богом должна быть также последовательность существ, как он сказал астрономам, что между известными мирами должны быть миры неизвестные.

Какая философия наполнила этот промежуток?

Спиритизм показывает нам его наполненным существами невидимого мира всевозможного развития, и существа эти суть не что иное, как духи людей, достигших различных ступеней, ведущих к совершенству; тогда все сливается, все связывается от альфы до омеги.

Итак, вы, отвергающие существование духов, наполните пустоту, занимаемую ими; смейтесь, если дерзаете, над творением Бога и Его всемогуществом!

Аллан Кардек

Предисловие

Явления, выходящие из предела законов обыкновенных наук, проявляются повсюду и обнаруживают в причине своей действие свободной воли и разума.

Рассудок говорит, что всякое разумное действие должно быть произведено разумной силой, а факты доказывают, что сила эта может вступать в сообщение с людьми посредством материальных проявлений.

Эта сила на вопрос о природе ее объявила сама, что она принадлежит к миру духовных существ, оставивших телесную оболочку человека. Таким образом было открыто учение о духах.

Сообщения между духовным миром и миром телесным – в порядке вещей и не представляют ничего сверхъестественного, вот почему следы их встречаются во все времена и у всех народов; теперь же они сделались общи и доступны для всех.

Духи говорят, что время, назначенное Провидением для их всемирного проявления, настало, и так как они посланники Божии и исполнители его воли, то миссия их состоит в том, чтобы наставлять и просвещать людей, открывая новую эру возрождения человечества.

Эта книга есть собрание их наставлений; она была написана по повелению и под диктовку высших духов, с целью положить основание истинной философии, чуждой всяких предрассудков и систем; в ней нет ничего, что не было бы выражением их мыслей или не было бы повелено ими. Порядок и распределение статей, примечания и форма некоторых частей издания – вот только труд того, кому вверено было обнаружение ее.

В числе духов, содействовавших исполнению этого труда, многие жили в различные эпохи на земле, где они проповедовали добродетель и мудрость; другие же не принадлежат по своим именам ни одному лицу, известному в истории, но высокое развитие их обнаруживается чистотой их учения и связью с теми, которые носят уважаемые нами имена.

Вот в каких словах при посредстве нескольких медиумов они возложили на нас обязанность написать эту книгу:

«Занимайся с рвением и постоянством делом, предпринятым тобой с нашей помощью, потому что труд этот есть вместе и наш труд; мы положили основание нового здания, которое возвышается и должно когда-нибудь соединить всех людей в одном чувстве любви и милосердия; но прежде чем труд твой будет издан, мы пересмотрим его вместе, чтобы проверить все подробности его».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.